

Е.В. РЯГУЗОВА

Саратовский государственный университет

E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Елена Владимировна Рягузова — кандидат психологических наук, доцент, Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, кафедра общей и социальной психологии, доцент. E-mail: rjaguzova@yandex.ru.

Психологические риски ингрупповых интеракций

В статье представлены результаты анализа психологических рисков ингрупповых взаимодействий. Используя интерпретационные возможности конструкта «Другой», предлагается типология ингруппового Другого и описываются возможные риски, возникающие на уровне повседневных практик.

Ключевые слова: психологический риск, ингруппа, личностная идентичность, социальная идентичность, ингрупповой Другой, постижение Другого, функции ингруппового Другого.

E.V. RYAGUZOVA

Psychological Risks of the Ingroup Interactions

The paper presents the results of the analysis of psychological risks of the ingroup interactions. Using interpretative possibilities of the concept “Other”, the typology of the ingroup Other is offered and the possible risks arising at level daily experts are described.

Key words: psychological risk, ingroup, personal identity, social identity, ingroup Other, comprehension of the Other, functions of ingroup Other.

Кризис европейского мультикультурализма, рост напряженности и насилия в межнациональных, межконфессиональных и других социальных отношениях, усиление нетерпимости ко всякого рода инаковости, обостренное переживание дихотомии «свой – чужой» приводят к редукации способности признавать и терпеть различия, порождают враждебность и агрессивность, выражающиеся в национализме, радикализме, регионализме, фундаментализме, сексизме, других видах дискриминации и представляющие собой результат

видения в Другом отклонения от некоторой нормы, эталоном которой является собственное «Я» или шире – групповое «Мы». Вместо стремления к пониманию другого образа жизни, иной понятийности и отличающейся логики конструирования смысловых ориентиров, жизненных стратегий и бытийных сценариев используется тактика агрессивного принуждения, силового подавления и запрета. Другой при этом оказывается за пределами доминирующего дискурса; установка на исключение Другого мешает увидеть не только и не столько всю полноту, многообразие и многомерность мира, но и многоликость, полифоничность самого себя.

В настоящее время проблема межгрупповых интеракций (особенно межэтнических, межконфессиональных) и связанных с ними социальных рисков чрезвычайно актуальна: межгрупповые взаимодействия являются предметом многочисленных социально-психологических исследований. В фокусе нашего аналитического интереса находятся психологические риски ингрупповых взаимодействий, т. е. риски, возникающие на уровне повседневных практик внутри Мы-группы, с которой субъект себя соотносит, в которую он включен и считает своей. Нас будут интересовать психологические риски, связанные с коммуникативными процессами и обусловленные межличностными отношениями, субъективными переживаниями и оценками. Признавая существование двух плоскостей рефлексии психологических рисков – как источников опасности для группы или угрозы психическому и физическому здоровью индивида и как фасилитаторов внутренних резервов, предоставляющих субъекту (или группе как коллективному субъекту) определенные возможности и активизирующих субъектный потенциал, в контексте данной работы будет рассматриваться только первая из указанных плоскостей.

Группа «Мы» представляет собой «социальную сцепленность индивидов» (Дж.Тернер), она в основном

образована близкими, понятными, интересными и значимыми для конкретного субъекта людьми, связанными определенными социальными отношениями и/или разделяющими сходные интересы и установки. Как правило, между членами этой группы устанавливаются определенные эмоциональные взаимоотношения, существует разделение ролей, возникают взаимозависимость, солидарность и единство даже вне контекста совместных действий, вырабатываются общие нормы и формируется специфическая групповая культура. Но самым главным помимо встречи и соприсутствия «Я» и «Ты» является наличие общего поля смысла, названного В. Франклом в рамках экзистенциального анализа «*логосом*», т. е. общим психологическим опытом людей, делающим возможным истинно близкое общение¹. Следовательно, можно говорить о том, что группа «Мы» характеризуется общностью биографического, психологического и духовного опыта.

Группа «Мы» – это позитивная референтная группа, выполняющая такие функции самореферентности, как сравнение и ориентация на норму, т. е. это субъективно привлекательная группа, с которой личность психологически сравнивает себя в плане самооценки или социальных ценностей². Доминантные нормы этой группы субъект принимает безусловно, воспринимая их «как если бы они были независимой, внешней реальностью»³. Значит, для субъекта Мы-группа выступает в качестве основной, которая определяет нормативную и ценностную систему координат и задает смысловые горизонты.

В поисках собственного «Я» человек, с одной стороны, осознает свою уникальность, неповторимость и своеобразие, а, с другой стороны, понимает и принимает свою принадлежность к группе, свою типичность и одинаковость. В контексте социальной психологии выделяют личную и социальную идентичность и рассматривают две фундаментальные и конкурирующие человеческие потребности – потребность во

включении и потребность в дифференцировании⁴. Мы полностью согласны с мнением Г.У. Солдатовой и А.В. Макаруч, что в повседневных условиях у большинства людей доминирует личностный уровень, тогда как в трудных жизненных ситуациях (экстремальных, стрессовых, кризисных), а также в условиях повышенной напряженности в обществе человеку становится все труднее полагаться только на себя. В этом случае он ищет опору и защиту в группе, стремясь к расширению своих социальных и психологических границ, выходя за пределы своего «Я» и сознательно декларируя свою неразрывную связь с какой-либо общностью или группой. Через расширение индивидуальных границ личность ищет защиту, устойчивость и возможности развития в группе, в групповой идентичности⁵. Мы не будем повторять известные тезисы о фундаментальной значимости социальной поддержки для развития личности, для сохранения ее психического здоровья и благополучия, отметим только два важных, с нашей точки зрения, момента, связанных с психологическими рисками.

Первый касается того, что Мы-группа выступает своеобразным ресурсом личности, помогая ей социализироваться, развиваться, самоактуализироваться, справляться с теми или иными жизненными обстоятельствами, находясь при этом внутри контекста принятия, заботы и защищенности, поддерживая психическое здоровье и выстраивая позитивную жизненную перспективу. Именно группе делегируется ответственность за принятые решения в кризисных ситуациях, передается контроль за происходящими событиями и за минимизацию их последствий. Вместе с тем постоянное перекладывание на группу разрешения собственных проблем, нивелирование конфликтов и сглаживание противоречий приводит к размыванию личностной ответственности, ослаблению субъектных качеств, пассивности, чрезмерной зависимости и безынициативности личности, формированию

вынужденной беспомощности и рентных установок.

Второй момент связан с тем, что Мы-группа может не только поддерживать своих членов, но и оказывать на них существенное давление, побуждая их действовать определенным образом, навязывая им поведенческие паттерны, принятые способы и модели реагирования, требуя от них униформности и склоняя к конформности, в которой группа нуждается для того, чтобы функционировать эффективно и без сбоев. В этом случае группа, защищая групповые нормы, принятые ценности и установленные традиции, выступает в роли консервативного ограничителя, а социальная поддержка может служить источником фрустрации, внутренних конфликтов, напряжения или стагнации⁶.

При этом не вызывает сомнения тот факт, что внутри реальной ингруппы существует дифференциация по разным классификационным основаниям – пол, возраст, психометрический статус, уровень симпатии, глубина эмпатии, аттракции и т. п. Мы присоединяемся к мнению В.В. Абрамова, считающего, что для любого индивида количество возможных групп, с которыми он может интегрироваться или от которых он дистанцируется, является потенциально безграничным: их может быть столько, сколько найдется значимых для индивида параметров сравнения⁷. Мы предлагаем для выявления психологических рисков, возникающих при ингрупповых интеракциях, использовать конструкт «Другой», который представляет собой многомерное и полифункциональное образование, обладающее большими интерпретационными возможностями. Его использование может обогатить, расширить и углубить психологические знания о феноменологии межличностного общения, о способах и средствах познания Другого, о развитии и постижении самого себя в различных социальных контекстах. Другой является не просто условием существования, а выступает как фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения

собственно человеческого в человеке, его нормального развития и полноценной жизни⁸. Внутри ингруппы Другой предстает не столько в виде понятия, маркирующего позицию человека, сколько в виде оценочной категории. При этом мы утверждаем, что ингрупповой Другой изолирован не от самой группы, а от ее моральных и, возможно, материальных ресурсов.

Мы полагаем, что внутри ингруппы возможно выделение нескольких видов Другого. Первый – это ингрупповой Чужой, или, в терминологии Г.У. Солдатовой – «близкий Чужой»⁹. Существует множество примеров, когда некогда близкие люди, включенные в одну и ту же группу, связанные устойчивыми отношениями, общими целями и разделяющие сходные взгляды, ценности, смыслы, становятся совершенно чуждыми друг другу, весьма остро и болезненно переживая эту неожиданную «чуждость». На наш взгляд, наличие такого члена группы не связано с групповыми процессами и обуславливается не иерархией чужеродности каждого ингруппового члена, сформированной в процессе социализации, а либо субъективной иерархией чуждости, сконструированной в ходе индивидуализации, либо/и спецификой и характером интересубъектных отношений, либо/и ситуационным контекстом межличностных интеракций.

Второй вид ингруппового Другого касается стигматизированного члена группы. Под стигмой мы вслед за И. Гофманом понимаем особый тип отношения между качеством и стереотипом и выделяем разные типы стигмы: телесное уродство – любого рода физические отклонения; недостатки индивидуального характера, проявляемые в социальном поведении; родовая стигма расы, национальности или религии. Стигматизированный индивид мог бы эффективно участвовать в обычных социальных интеракциях, если бы ни нежелательное отличие от группы, отклонение от определенных ожиданий, бросающееся в глаза, вызывающее негативные эмоции,

препятствующее узнаванию других его качеств и уменьшающее его жизненные шансы. Стигматизированный индивид чувствует свою незащищенность при взаимодействии с другими людьми, а дефицит принятия и одобрения, обычного в повседневном социальном взаимодействии, может превратить оказавшегося в изоляции человека в мнительного, подавленного, враждебно настроенного, беспокойного и растерянного¹⁰.

Еще один вид ингруппового Другого демонстрирует те или иные девиации относительно среднегрупповых норм и стандартов. Вопрос об этих нормах достаточно подробно представлен в теории групповой поляризации Дж.Тернера и П.Эукеса. В ее рамках общегрупповой нормой является не среднее мнение, а прототипичная позиция группы. «По своей сути прототип – это позиция, которая наилучшим образом отражает то общее, что присуще членам одной группы и что отличает их от тех, кто находится вне группы. Чем меньше человек отличается от членов своей группы и чем больше – от тех, кто не входит в нее, тем более он прототипен»¹¹. В контексте этой теории вводится показатель метаконтрастности, отражающий степень ингруппового и аутгруппового отличия, максимальные значения которого свидетельствуют о том, что член группы с таким показателем является наилучшим прототипом для всех остальных членов ингруппы. Отмечается важный факт, что прототипы могут меняться в зависимости от социальных контекстов. Учитывая только что сказанное, можно считать, что ингрупповой Другой максимально отличается от прототипа, но это отличие в большей степени обусловлено существенными различиями с членами ингруппы. Следовательно, имеется зона допустимых отклонений характеристик, правил, паттернов поведения, в пределах которой отличающийся член группы – девиант – все еще рассматривается как представитель данной группы, но при этом вызывает негативные эмоции со стороны группового большинства, его

критику, осуждение или насмешки.

Характерно, что практически во всех языках такой ингрупповой Другой имеет определенное наименование и метафорически описывается как «белая ворона», «черная овца», «паршивая овца», «козел отпущения». Символический и психологический смыслы этих метафор неоднозначны, поэтому рассмотрим каждую из них.

Смысл метафоры «белая ворона» означает необычность, инаковость и в то же время избранность, исключительность, чистоту и незащищенность. Психологическое содержание этой метафоры может быть репрезентировано через нетипичность члена группы, его явное и бросающееся в глаза отличие от большинства как в формате внешности и поведенческого рисунка, так и в рамках ценностной системы. Необычность и инаковость влекут за собой непонимание и отчуждение со стороны группы, перемещение такого члена на низкостатусную, но, тем не менее, особую позицию в группе. Заметим, инаковость «белой вороны» не угрожает ни целостности группы, ни ее репутации, ее терпят в группе, позиционируя как «экзотического» члена сообщества. Что же касается самого члена группы, то для него фрустрирующей и рискогенной являются и ситуация непонимания, непринятия, и заданный группой психометрический статус, всегда сопряженный с эмоциональным напряжением, экзистенциальными страданиями и негативными переживаниями. Результатом фрустрации может стать устойчивая защитная реакция, направленная на установление слишком жестких, закрытых и непроницаемых границ между собой и Другими, усиливающая и увеличивающая зону психологических рисков. Одним из возможных рисков при этом является то, что положение такого ингруппового Другого становится маргинальным. Человек, закрыв границы для контактов, автоматически исключается из мира Других, испытывая при этом не недостаток присутствия Другого, а недостаток собственного

присутствия для Другого – как Другого. Он теряет аутентичность, поскольку его Я никогда не открывалось Другим или, открываясь, осталось непонятым и не увиденным Другими, т. е. его Я не подтверждается Другими. Как следствие этого, он может отчуждаться от собственного опыта и собственных действий, терять точку отсчета в себе самом, «из которой он мог бы направиться и устремиться, спроецировать себя в будущее»¹².

Идиома «черная овца», по сравнению с предыдущей метафорой, приобретает большую негативную валентность, обозначая явное отличие от большинства и исключительность, в то же время подчеркивает наличие угрозы для группы и нежелательность нахождения подобного члена в сообществе. Указанная нежелательность усиливается в метафоре «паршивая овца», которая также, имея очевидную негативную коннотацию, относится не просто к нежелательному члену группы, а к такому, который дискредитирует группу, наносит ей репутационный вред, снижает ее авторитет, статус и позитивную оценку. При удобном случае группа пытается избавиться и избавляется от такого члена. На феноменологическом уровне переживание несоответствия между собственными представлениями о себе и упрощенными, схематичными групповыми представлениями может привести к реконфигурации Я-образа под воздействием и с учетом нового опыта, приобретенного в группе. На поведенческом уровне возникшее внутреннее несоответствие минимизируется за счет обесценивания группы (ее ценностей, норм и традиций) или через формирование негативных, агрессивных и враждебных установок по отношению к ней, к ее отдельным представителям. В целом указанное несоответствие обуславливает порождение новых психологических рисков.

Совершенно иной смысл имеет метафора «козел отпущения», обозначающая низкостатусного члена ингруппы, в котором группа нуждается, поскольку именно на него она может возложить ответственность за неэффективные и ошибочные

действия, за неправомерные решения, вину за неудачу или поражение для того, чтобы скрыть их настоящие причины и реальных виновников. Психологические риски в этом случае не менее сложны и деструктивны. Такой ингрупповой Другой вынужден постоянно доказывать группе свою необходимость и полезность, демонстрировать готовность к подчинению, зависимость, угодливость, тем самым девальвируя собственные ценности и смыслы и рискуя потерять собственное «Я».

Несмотря на обозначенные выше существенные, на наш взгляд, различия в видах ингруппового Другого, их встроенность в разные метафорические ряды, в социальной психологии эффект «белой вороны» и эффект «черной овцы» рассматриваются как тождественные и синонимичные. Сущность этого эффекта заключается в том, что члены ингруппы воспринимаются более поляризованно – либо очень хорошо, либо очень плохо, по сравнению с членами аутгруппы. Данный эффект выражается в том, что выполняющий нормы член ингруппы воспринимается и оценивается более позитивно, чем выполняющий те же нормы член аутгруппы, а не выполняющий нормы член ингруппы – более негативно, чем не выполняющий нормы член аутгруппы¹³. Необходимо отметить, что этот эффект проявляется только тогда, когда речь идет о выполнении норм, которые специфичны для ингруппы и не являются общими для ингруппы и аутгруппы. Обзор проведенных исследований в зарубежной социальной психологии, выполненный О.А. Гулевичем, А.Н. Онучиным, дает возможность выделить следующие факторы, влияющие на выраженность этого эффекта: настроение субъекта восприятия; степень его ингрупповой идентификации; важность оснований межгруппового сравнения; оценка гетерогенности ингруппы¹⁴.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что существуют разные виды ингруппового Другого, включенного в Мы-группу и разделяющего с ней сходный культурный образец, т. е. аналогичную систему релевантностей. Виды ингруппового

Другого можно дифференцировать с помощью таких бинарных оппозиций как «понимание – непонимание», «принятие – отчуждение», «интерес – равнодушие», «признание – непризнание», «открытость – изолированность», а также «ориентация на удержание в группе – ориентация на изгнание из группы». Безусловно, для каждого вида существуют свои системы психологических рисков, обусловленные специфическими особенностями коммуникации и связанные с принятием и оценкой референтной группой, установлением значимых межличностных отношений, формированием контекста доверия, с рефлексией самости, самооценности, ценности Другого и ценности для Другого. Еще одним важным выводом теоретического анализа является то, что субъективное восприятие коммуникативных рисков обеспечивает инверсию одних рисков в другие, вызывая расширенное воспроизводство психологических рисков.

Примечания

¹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

² См.: Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003. С. 20.

³ Там же. С. 17.

⁴ See: Leonardelli G., Pickett C., Brewer M. Optimal Distinctiveness Theory: A Framework for Social Identity, Social Cognition and Intergroup Relations // Advances in Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 43. P. 63–113.

⁵ См.: Солдатова Г.У., Макаrchук А.В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2006.

⁶ See: Antonucci T.C., Lansford J.E., Ajrouch K.J. Social Support // Encyclopedia of Stress. 2 ed. N.Y., 2007. P. 539–542.

⁷ См.: Абрамов В.В. Об одном из подходов к исследованию межгрупповых отношений и эффектов // Мир психологии. 2008. № 3. С. 25–32.

⁸ См.: Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н.Б.Крыловой, М.Ю.Жилиной. 2010. Вып.1 (43). С. 9.

⁹ См.: Солдатова Г.У., Макаrchук А.В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2006.

¹⁰ См.: Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.

¹¹ Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003. С. 111.

¹² Лэйнг Р.Д. «Я» и Другие / пер. с англ. Е. Загородной. М., 2002. С. 128.

¹³ See: Marques J.M., Yserbyt V.Y. The black sheep effect: Judgemental extremity towards ingroup members in inter- and intra-group situations // Eur. J. Soc. Psychol. 1988. V. 18. P. 287–292; Marques J.M., Yserbyt V.Y., Leyens J.-P. “The black sheep effect”: Extremity of judgements towards ingroup members as a function of group identification // Eur. J. Soc. Psychol. 1988. V. 18. P. 1–16.

¹⁴ См.: Гулевич О.А., Онучин А.Н. Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия // Вопр. психол. 2002. № 3. С. 132–145.